

долины Шехъ, увеличивали мою радость. Наконецъ мелькнула вдали св. обитель у подошвы Синая, какъ лѣпная картинка въ четверогранной, старой рамкѣ. Стропотень спускъ къ ней мимо горы, съ которой Моисей увидѣлъ купину горящую и несгорающую. Посему всѣ мы спѣшились и за Салехомъ, будто за ветхозавѣтнымъ жрецомъ, ведшимъ кроткаго овна, начали сходить осторожно межъ обломковъ гранитныхъ. Подлѣ меня шли домочадцы мои, Юсефъ и Ханна. Миѣ вздумалось спросить ихъ: знаютъ ли они десять заповѣдей. Безграмотный Юсефъ отвѣчалъ: не знаю. А премудрый Ханна похвалился вѣдѣніемъ двухъ первыхъ заповѣдей и важно высказалъ ихъ такъ:

«Я Господь Богъ твой повелѣваю тебѣ, Израиль, учить дѣтей твоихъ грамотѣ, дабы они умѣли читать законъ мой святой». — Вотъ первая заповѣдь!

«Я Господь Богъ Твой приказываю тебѣ, Израиль, написать Мое имя надъ дверями каждаго дома.» — Вотъ вторая заповѣдь!

Потѣшилъ меня и дружину мою премудрый нашъ Ханна!

Наконецъ, мы укрылись въ Обители святой, благословляя Бога, хранившаго насъ на всѣхъ стезяхъ нашихъ и подавшаго намъ обильныя радости духовныя.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

ПРЕБЫВАНИЕ ВЪ МОНАСТЫРѢ И ПОСѢЩЕНИЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ ЕГО.

Первые восемь дней вторичнаго пребыванія моего въ монастырѣ проведены были въ ученыхъ занятіяхъ. Въ добавокъ я пересмотрѣлъ старинныя рукописныя книги, лежавшія на потолкѣ при дѣла св. Козьмы и Даміана, и старыя иконы, укрытыя въ башнѣ надъ папертью соборной церкви. Всѣ помянутыя книги на языкахъ Греческомъ, Армянскомъ, Грузинскомъ, Сирскомъ, Арабскомъ и Абиссинскомъ, суть Богослужебныя. Въ числѣ ихъ нашлись: Глаголитная псалтирь, писанная на пергаментѣ мелкимъ почеркомъ, въ осьмую долю листа, безъ начала и конца, и псалтирь Грузинская, писанная на папирусь, въ четвертую долю листа, такъ же не цѣлая, но весьма древняя. Обѣ эти книги я передалъ Ризничему

съ усердною просьбою, чтобы онъ хранилъ ихъ вмѣстѣ съ драгоценными рукописями въ Архiepископскихъ келліяхъ, и показывалъ бы ихъ путешественникамъ съ предосторожностями. Что касается иконъ; то почти всѣ онѣ переколоты и изуродованы, и между ними не нашлась ни одна современная основанію Синайской обители. Изъ числа ихъ я отобралъ для себя лучшіе образцы стариннаго письма Греческаго, Грузинскаго, Армянскаго, Абиссинскаго, Нубійскаго и Негрскаго. Черныя иконы Индіанъ съ Халдейскими письмами, и Нубійцевъ съ Греческими, составляютъ замѣчательную рѣдкость въ моемъ собраніи св. образовъ. Онѣ чрезвычайно древни. Такъ какъ христіанство между этими племенами исчезло вскорѣ послѣ явленія магометанства; то я думаю, что онѣ писаны были въ седьмомъ вѣкѣ, и занесены въ Синайскій монастырь черными Индѣйцами и Нубійцами, приходившими туда на богомолье.

Съ 15 по 23-іе.

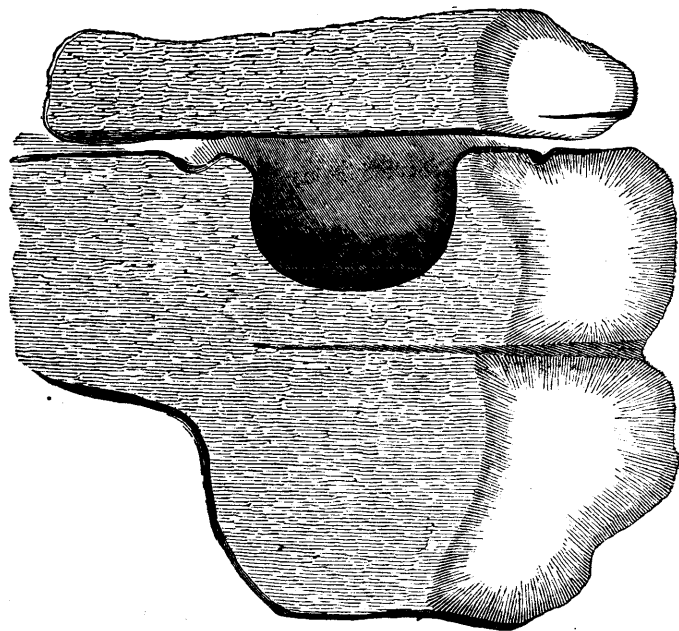
Въ теченіи вторыхъ осьми дней разболѣлся лѣвый глазъ мой. Недугъ его остановилъ мои занятія. Однако съ помощію другаго глаза я наблюдалъ надъ книжными и художественными ра-

ботами спутниковъ моихъ, и особенно надъ свѣреніемъ разновременныхъ Славянскихъ переводовъ священнаго писанія съ нынѣшнимъ текстомъ его. Всѣ работы ихъ шли спѣшно и удачно. Къ 23 Іюля очистилось недужное око мое; и я былъ въ состояніи исполнить то, чего сильно желала душа моя, имянно, повѣрить и дополнить собраніе Синайскихъ надписей въ Уади Леджѣ, сдѣланное мною въ 1845 годѣ, и посѣтить мѣсто подвиговъ преподобнаго Іоанна Лѣствичника и окрестности онаго.

24. Понедѣльникъ.

На другой день раннимъ утромъ отворилась задняя калитка монастыря. Изъ ней вышла дружина моя за мною и о. Дикеемъ. Всѣ мы пѣшкомъ пошли въ монастырь сорока мучениковъ, что въ долину Леджа, и по пути сперва взглянули на едва примѣтныя письмена, начертанныя будто бы пророкомъ Іереміею на одномъ гранитномъ камнѣ, лежащемъ близъ тропинки у подошвы Хорива, и ничего не разобрали, потомъ, обогнувъ сѣверный уголъ этой горы, остановились на нѣсколько минутъ у такъ называемаго Хоневтіріона Ааронова, т. е. у литейни, въ которой сей

первосвященникъ будто бы вылилъ золотую голову тельца. Чтожъ это такое? — Природная, полукруглая ямка межъ двухъ плоскихъ камней, едва выказывающихся надъ ровною поверхностію песчаного поля. Я сдѣлалъ очеркъ ея.



Присмотрѣвшись къ этому мѣсту, замѣчаешь нѣкоторое подобіе головы вола, котораго рога оттопырены прямолинейно, направо и налево. Понятно, что это случайное сходство подало поводъ къ нелѣпой сказкѣ. Я говорю, нелѣпой; ибо она

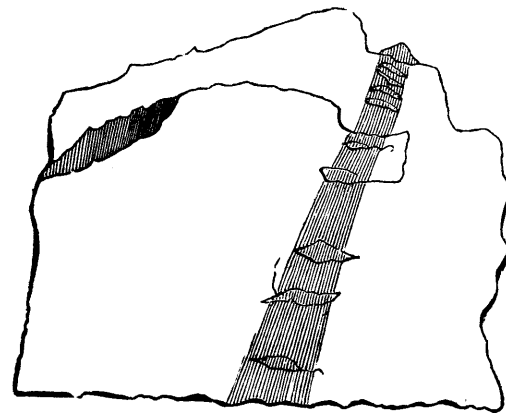
противорѣчитъ повѣствованію книги Исхода о сліяніи Аарономъ золотого идола. По этому повѣствованію сподвижникъ Моисея вылилъ не одну голову тельца, а всего его въ цѣлости, и вылилъ въ нарочито-приготовленномъ лѣянкѣ, а не въ природной ямѣ. Странны нѣкоторыя людскія преданія. Человѣкъ часто искажаетъ слово Божіе.

Отъ литейни Аароновой мы прошли мимо нагорнаго монастырька, извѣстнаго подъ именемъ Богородицы Давидовой, прямо къ великолѣпному углу горы Хамры, называемому Рабба. Тутъ изъ столпообразной скалы вытекаетъ обильный ливень сладкой воды (*) и орошаетъ небольшой садъ, наполненный виноградными лозами, гранатами, абрикосами и другими плодоносными деревьями, кои посажены на непрямолинейныхъ насыпяхъ земли, одни другихъ ниже. Въ низу сада стоитъ безобразное зданіе, кое-какъ складенное изъ развалинъ древняго монастырька. Въ немъ помѣщается садовникъ съ семействомъ своимъ. Онъ отперъ намъ церковь двѣнадцати Апостоловъ. Лучше бы не видать ее! Это—призракъ святилища, да и тотъ искаженный и нечистый.

(*) Смотри очеркъ Раббы на листѣ 34.

Отъ Раббы не близко до монастырька сорока мучениковъ. Къ нему ведетъ стропотная стезя, проложенная по правой сторонѣ садовой долины, Лѣджа. Когда мы перешли на эту стезю чрезъ каменистое русло близь сѣверозападнаго угла Хорива; замѣтили тутъ искусственный каналъ. Въ немъ кое-гдѣ видна была вода. Оттуда тропинка постепенно поднимается и извивается межъ огромныхъ и не великихъ гранитныхъ камней багрянаго цвѣта, кои въ разныя времена отвалились отъ сосѣдней горы, бывъ подмыты дождемъ, или ринуты землетрясеніями. Всѣ эти камни покрыты Синайскими надписями. Пробираясь между ними, я узнавалъ рѣзкія примѣты, по которымъ назадъ тому пять лѣтъ велъ счетъ этихъ надписей. Не доходя до перваго масличнаго сада, зеленѣющаго въ глуби долины, направо, подъ челомъ горы видна природная пещера, а напротивъ ея у дорожки на огромнѣйшемъ камнѣ начертана большая надпись. Далѣе, противъ этого сада, подъ навѣсомъ исполинской скалы, ринутой землетрясеніемъ, виситъ стеклянная лампадка и растетъ маленькая дикая смоковница. Далѣе и выше при тропинкѣ стоитъ тотъ громадный камень съ двѣнадцатью устами спереди и сзади,

изъ котораго будто бы Моисей чудесно извелъ воду для жаждущаго Израиля.



Еще далѣе у самой стези возвышается къ небу отвѣсный утесъ. За нимъ начинается второй садъ масличный. Тутъ мы зашли въ пещеру св. Онуфрія, находящуюся подъ навѣсомъ большаго лежащаго камня, и въ смѣжную съ нею пустую церквичку, и съ сего мѣста полюбовались священной вершиною Синая. Съ этимъ садомъ смѣженъ лѣсокъ тополевыи, а за нимъ густится масличная роща, за рощею же красуются гранаты, груши, яблони, абрикосы, айвы и кипарисы у подгорной

воды, собранной въ систерны и ставки, и пріосѣ-
няютъ монастырекъ сорока мучениковъ, постра-
давшихъ въ Севастіи Малоазійской (*).

Мы вошли въ него чрезъ малую и тѣсную
дверь и, заглянувъ въ бѣдную и пустую церковь
его, хотѣли было помѣститься въ верхнихъ ком-
наткахъ; но не нашедши ни одной свѣтлой, опрят-
ной и удобной, вышли вонъ и учредили станъ свой
въ масляной рошѣ, близъ тополеваго лѣса. Подъ
тѣнію, въ прохладѣ, у прѣсной воды, въ слояхъ
чистѣйшаго горнаго воздуха, при дружномъ обще-
ствѣ, и въ добавокъ съ добрымъ здоровьемъ,
это мѣсто казалось намъ прекраснѣйшимъ эде-
момъ.

Въ четвертомъ часу по полудни пріосѣнило
насъ облачко и, уронивъ нѣсколько капель, ис-
чезло.

25. Вторникъ.

Въ новомъ эдемѣ нашлось для меня пріятное
занятіе. Пока присные мои ходили на священную
вершину Синая и на темя горы, посящей имя св.

(*) Смотри видъ его на листѣ 55.

Екатерины; я свѣрилъ и пополнилъ свое прежнее
собраніе таинственныхъ надписей, начертанныхъ
въ Уади Леджа, начиная отъ Раббы, или Вио-
рамвы, до семи камней, лежащихъ за садомъ мо-
настырька сорока мучениковъ на пути къ Ека-
терининской горѣ, предъ лицомъ величественнаго
Аразрака (*). Утомителенъ былъ трудъ мой. Но
за то вознагражденіе получено самое пріятное и
самое безкорыстное. Я разумѣю внутреннее удо-
вольствіе отъ того, что предпріятіе въ пользу зна-
нія совершенно было мною съ возможною отчет-
ливостію

Кончивъ свое дѣло, я легъ у корня тѣнистой
маслины и, перебирая въ своей памяти всѣ пле-
мена, какія только жили на Синаѣ послѣ потопа
до нашего времени, какъ то, Амалекитовъ, Ки-
неевъ, Мадіамлянъ, Идумеевъ, Египтянъ, Евре-
евъ, Финикіянъ, Набатеевъ, Измаильтянъ, Руму-
новъ и Арабовъ, усиливался отгадать: которое
изъ нихъ начертало здѣшнія надписи. Находя
сходство между Синайскими и Финикійскими бук-
вами, я въ этотъ разъ усвоилъ ихъ всесвѣтнымъ
купцамъ древняго міра, Хананео-Финикіанамъ,

(*) Смотри очеркъ сей горы на листѣ 35.

(*) которые гораздо ранѣ рожденія Авраама (далѣе за 2196 лѣтъ до Р. Х.) знали Синай и основали въ заливахъ его торговыя пристани Асіонъ—Габеръ и Раиѳу, а въ средоточныхъ горахъ и въ долинахъ Мокаттебъ, Магаръ, Хадемъ и Насбъ добывали мѣдь и желѣо. Синай служилъ для нихъ торговою связію между Ассирією, Сириєю и Палестиною, и между Аравією, Индією и Африкою. Разработывая тамъ металлическія руды, и пріѣзжая туда изъ Сирии Палестины и съ Краснаго моря, они въ помянутыхъ мѣстахъ приносили жертвы своимъ божествамъ, и чертили свои памятники на гранитныхъ скалахъ и камняхъ, но чертили по обѣтамъ, и потому только въ этихъ мѣстахъ и встрѣчаются ихъ письмена.

(*) Ханаане были одного племени съ Финикіянами. Св. Писаніе называетъ ихъ землю то Ханаанскою, то Финическою. (Ис. Нав. 5, 1. 12). По свидѣтельству древнихъ историковъ Греческихъ Финикіяне жили тамъ же, гдѣ и Хананеи, имянно, въ Сидонѣ, Аркѣ, Арадѣ, Эмаѣѣ, на Ливанѣ, Антиливанѣ, и на горахъ Іудейскихъ; и языкъ ихъ сходенъ съ Хананейскимъ и Еврейскимъ. Евсевій, Августинъ и Прокопій признавали тѣхъ и другихъ за одинъ народъ.—(Euseb. Chronic. L. 1. Augustin. expositio epistol. ad Romanos.—Procop. de bello Uandal. L. II, c. 20.]

Б У К В Ы

Еврейскія.

Финикійскія

Синайскія

א	א	א	א	א א
ב	ב	ב	ב	ב
ג	ג	ג	ג	ג ג
ד	ד	ד	ד	ד ד
ה	ה	ה	ה	ה
ו	ו	ו	ו	ו
ז	ז	ז	ז	ז
ח	ח	ח	ח	ח
ט	ט	ט	ט	ט ט ט ט ט
י	י	י	י	י

Д	9	4	7
3	6	h	6
0 0	4	у	м
1 1	7	7	1
0	м	7	м
у	0	0	0
9 0	7	1	1
у 3	3	3	7
Р	4	7	7
1	4	9	4
ш	4	7	4
п	4	7	7

4	у
5	6
ш	
1	
0	0
1	1
у	к
р	
4	9
ш	
т	

Я поставилъ здѣсь Синайскія буквы въ уровень съ Финикійскими для того только, чтобы показать нѣкоторое сходство между ними, нимаю не думая предложить способъ чтенія надписей на Синаѣ. Сравнительной грамматикѣ нѣтъ мѣста въ описаніи путешествія. Если Богъ дастъ мнѣ досугъ; то я въ другое время и въ другомъ сочиненіи о Синаѣ займусь разсужденіемъ о таинственныхъ чертахъ и рѣзахъ, кои провѣрены и пополнены мною въ этотъ разъ.

Въ пятомъ часу по полудни воротились присные мои, утомленные стропотными стезями, обожженные солнцемъ, измученные жаждою, и почему— то недовольные другъ другомъ. Они принесли куски сѣраго гранита съ прорисованными на нихъ перстомъ Божиимъ деревцами. А. г. Соловьевъ нарисовалъ видъ священной вершины Синая и развалинъ преображенской церкви на ней, и сдѣлалъ очеркъ женскаго туловища, отпечатлѣннаго на темени горы св. Екатерины. (*)

Предъ ужиномъ Иванъ пришелъ съ охоты, но безъ крастелей. Высматривая эту птицу у Азрака, онъ слышалъ тамъ сильный шумъ подзем-

(*) Смотри рисунки на листахъ 53. 54.

ный и струсиль. Синайскія горы, какъ великолѣпныя покрывки, надвинуты на огни подземные.

26. *Середа.*

Утромъ всѣ мы отправились къ мѣсту подвиговъ преподобнаго Иоанна Лѣствичника и изъ долины Леджайской перешли на песчаное поле между горами Губше и Хамръ въ сѣверозападномъ направленіи, и потомъ чрезъ невысокій, скалистый хребетъ спустились въ Уади Этла, по Греческому выговору, Оола. Эта каменистая юдоль, пролегающая между утесами горъ Губше, Зейтъ и Сумръ, весьма узка. Въ глубокое русло ея зеленѣли плодоносныя деревья. Стрopotная стезя вела насъ по лѣвой окраинѣ сего русла, высоко надъ нимъ, и скоро привела къ двумъ пирамидальнымъ скаламъ, кои, какъ двѣ колокольни, стоятъ одна противъ другой, на одной линіи, надъ стремнинною глубио Оолы, и раздѣляются не широкимъ, но глубокимъ вгибомъ въ бокъ горы Сумръ. По этому вгибу ключевая вода стекаетъ въ помянутую юдоль и напоетъ сады ея. Налюбовавшись вдоволь живописнымъ

и величественнымъ видомъ сихъ двухъ скалъ, мы пошли далѣе по лѣвой сторонѣ Оолы и, низходя, восходя и карабаясь по ребристому склону Сумра, наконецъ добрали до желаннаго мѣста и по червеной полосѣ, образовавшейся въ одной скалѣ въ родѣ лѣстницы, взошли на холмикъ прямо противъ пещеры пр. Иоанна. Тутъ я сѣлъ, чтобы успокоить сильное бѣненіе сердца. Укромникъ Лѣствичника, невообразимо диковинный, казался мнѣ болѣе надгробнымъ памятникомъ, наметаннымъ изъ исполинскихъ камней, чѣмъ жилищемъ человѣка. Вѣра повела меня туда. Взошедши по отсыпямъ въ узкое преддверіе укромника, накрытое огромнымъ гранитнымъ камнемъ, я пролѣзъ въ него сквозь узкую и приземистую дверь, складенную изъ тесаныхъ камней. Послѣ яркаго свѣта въ горахъ тутъ показалось весьма темно. Чтобы освѣтить мѣсто, спутники мои зажгли сухое быліе, принесенное рабомъ монастырскимъ. Дымъ наполнилъ низкую пещеру и еще болѣе увеличилъ мракъ, выѣдая глаза наши. Мы потушили огонь. Когда дымъ вышелъ сквозь дыры; слабое мерпаніе дневнаго свѣта проникло въ укромникъ и помогло разсмотрѣть его. Что жъ это такое? Это—не естественная пещера въ горѣ,

а куча огромнѣйшихъ и малыхъ камней, которые когда-то скатились съ высоты Сумра и торчкомъ остановились въ этомъ мѣстѣ, такъ что подъ ними могъ укрываться пустынный. Подъ эти камни съ трехъ сторонъ подведены стѣнки съ двумя оконцами къ юдоли. Укромникъ пр. Іоанна немного болѣе первой пещеры Антонія великаго. Въ срединѣ его можно стоять свободно, а подъ боковыя наклонно-навѣсныя углубленія надобно подходить, согнувшись въ четверо. Въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ малаго поставца, выдѣланнаго въ кладеной стѣнѣ. Думалось, что Лѣствичникъ влагалъ въ него свитокъ св. Писанія и свое твореніе. Подобный поставецъ имѣлъ и Антоній великій. Долго я оставался на этомъ мѣстѣ подвиговъ благодатнаго игумена Синайской обители, удивляясь его самоотверженію, терпѣнію, воздержанію, безмолвію и погруженію въ Богѣ. Надобно имѣть особенное предрасположеніе къ созерцательной жизни, величайшую крѣпость внутренняго человѣка, и много даровъ и утѣшеній благодати, чтобы прожить нѣсколько лѣтъ въ сумрачномъ укромникѣ, какъ въ свѣтломъ раѣ. Тутъ Іоаннъ описывалъ восхожденіе души отъ совершенства къ совершенству и возношеніе ея

надъ крутизнами и стремнинами прирожденнаго намъ зла, какъ будто побуждала его къ тому вся окрестность, представляющая рядъ постепенныхъ возвышеній горъ къ чистѣйшей лазури неба изъ глубинъ утесистыхъ и стропотныхъ. Приютъ Лѣствичника, напоминая высокія христіанскія добродѣтели, служилъ мнѣ укоризною и обличеніемъ многого множества грѣховъ моихъ и недостатковъ. Я въ своей жизни не встрѣчалъ ни одного человѣка, который наговорилъ бы мнѣ столько назиданій и съ такимъ убѣжденіемъ, сколько ихъ рѣзко непечатлѣлось въ душѣ моей на безмолвномъ и угрюмомъ мѣстѣ спасенія преподобнаго Іоанна. Дивную силу имѣютъ добродѣтели! Самымъ камнямъ, у которыхъ онѣ совершены, сообщается отъ нихъ даръ обличать и поучать насъ грѣшныхъ. Подъ вліаніемъ сихъ мыслей и чувствованій я вышелъ изъ незабвеннаго укромника святаго мужа и свѣтильника церкви и, въ преддверіи его прильнувъ спиною къ впадинѣ громаднаго камня, устремилъ взоръ свой въ мракъ пещерный. Не хотѣлось мнѣ уйти изъ сего благовословеннаго приюта; и я съ величайшею скорбію оставилъ бы его, если бы внутренній голосъ не сказалъ мнѣ: «унеси его съ собою и, гдѣ бы ты

ни былъ, вездѣ водружай его и въ немъ восходи по степенямъ духовнаго совершенства», — «Аминь. Святъ Господь и дивенъ во святыхъ своихъ; сила Его въ немощи совершается:» отвѣчалъ я и по минутномъ умиленіи и безмолвіи еще разъ вошелъ въ пещеру и начертилъ планъ ея (*). По выходѣ изъ ней замѣчены были мною напротивъ двери въ одномъ большомъ камнѣ два углубленія, одно какъ бы для хлѣба, другое для воды. Тутъ же, казалось, вставлены камни рукою человѣка. Когда я началъ ощупывать ихъ; ко мнѣ подошелъ служка монастырскій, Аравитянинъ, и спросилъ меня:

— Знаешь-ли, что тутъ было прежде?

— Гдѣ?

— Въ этихъ камняхъ, которые ты щупаешь.

— Не знаю, голубчикъ. Скажи самъ.

— Аравитянинъ молвилъ: въ то время, когда на землѣ жили праведники, тутъ была казна. Тогда камни умягчались по ихъ желанію. Какъ только они прикасались къ нимъ, упругость ихъ терялась; и они влагали въ нихъ, что хотѣли. Потомъ камни сами собою закрывались и таили все, что въ нихъ было положено.

Я подумалъ, что полудикарь почелъ меня праведникомъ, или волшебникомъ, могущимъ достать забытую казну, и сказалъ ему: «дружокъ! ты го-

(*) Смотри его на листѣ 88

воришь правду и неправду. Правда, что святымъ людямъ повиновались самые камни; но неправда, что у нихъ была казна. Эти люди ничего не имѣли кромѣ души, любящей Бога и ближняго.»

Аравитянинъ замолчалъ. А я вспомнилъ, что въ пещерѣ Антонія великаго, задолго до прибытія его, выдѣлываемы были ложныя деньги, и подумалъ: не напрасно служка говорилъ, что здѣсь была казна; видно, и въ этой пещерѣ, какъ въ Антоніевой, укрывались бездѣльники и чеканили поддѣльную монету. Если это вѣрно, то пр. Іоаннъ своею нестяжательностію освятилъ сіе мѣсто *отца лжи* и чадъ его Тубалкаиновъ.

Пока я медлилъ въ укромникѣ Лѣствичника; г. Соловьевъ срисовалъ видъ его (*). Наконецъ, мы отправились назадъ прежнимъ путемъ и, достигнувъ до скалъ-колоколенъ, спустились въ устье потока. Тутъ лежатъ развалины жилища отшельниковъ. Арабы называютъ ихъ Деръ ел-Хабсъ, что значитъ, монастырь хлѣбный. Онѣ такъ малы и такъ разметаны, что не возможно было составить понятія о видѣ обители, когда она была цѣла. Отсюда мы поднялись на высокій утесъ, окаймляющій глубокое русло. потока

(*) Смотри его на листѣ 57.

съ правой стороны его, и карабаясь по круто-
ярю, взошли на западный хребетъ Олійской
долины. Тутъ неожиданно представилась намъ
широковатая и ровная котловина межъ горъ, и
въ ней у масличной рощи малая обитель во имя
Св. Безребрениковъ, какъ круглая и высокая
корзина. Мы спустились къ ней. Садовникъ от-
перъ намъ церковь. Она весьма бѣдна. Наилуч-
шимъ украшеніемъ ея служитъ малый гранитный
камень, вставленный въ сѣверную стѣну, на ко-
торомъ перстомъ Божиимъ написаны два прекрас-
ныя деревца. Помолвившись въ церквѣ, мы рас-
положились отдохнуть подъ тѣнію масличей и под-
крѣпили свои силы, чѣмъ Богъ послалъ. Мѣсто-
положеніе обители Безребрениковъ отмѣнно хо-
рошо. Она со всѣхъ сторонъ окружена отвѣсны-
ми высотами. Отъ ней видна вершина горы Св.
Екатерины. Кругомъ ея растутъ кипарисы, гра-
наты, масличія, и миндали. Въ сосѣдствѣ струит-
ся потокъ сладкой воды. По мнѣ нѣтъ лучше
сего мѣста для спасенія души въ безмолвіи.

Минули два часа по полудни. Мы собрались
домой и, перешедши котловину, не безъ труда
поднялись на узкій и утесистый хребетъ горы,
отдѣляющей Уади Оолу отъ Рахійскаго поля, что

у устья долины Леджайской. Тутъ г. Соловьевъ
отподобилъ видъ обители Безребрениковъ (*).
Когда онъ кончилъ свою работу; дружина моя
начала спускаться съ горы по улиткообразной
стезѣ. Я послѣдній сошелъ оттуда, любуясь из-
вивистою линіею переднихъ пѣшеходовъ. Потомъ
на песчаномъ полѣ Рахійскомъ остались одни слѣ-
ды наши. А мы укрылись въ Синайской обители.
Отдыхая на жесткомъ ложѣ, я отмѣтилъ въ
своей дорожной книжицѣ, что ни въ Оолѣ, ни у
монастырька Безребрениковъ нѣтъ Синайскихъ
надписей.

Съ 27 по 30 Июля.

Остальные дни Июля проведены были въ кни-
жныхъ занятіяхъ. Я разсмотрѣлъ старинную ру-
копись Греческую на бѣломъ и тонкомъ пергами-
нѣ въ листъ, содержащую часть ветхаго завѣта,
и весь новый завѣтъ съ посланіемъ апостола
Варнавы и книгою Ермы.

Нечего было дѣлать на Синаѣ. Захотѣлось
возвратиться на Сіонъ.

(*) Смотри его на листѣ 56.